

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №6 2023 ГАЗЕТА

«Не предай ближнего своего...»

Ирина РОДИОНОВА

Родилась в Новотроицке Оренбургской области, педагог-психолог по образованию. В 2018 году на Всероссийском семинаре-совещании «Мы выросли в России» была признана лучшим молодым фантастом, в 2019 году — лучшим прозаиком. По результатам семинаров вышли сборники рассказов «Мариуш» и «Жажда».

Автор книги «Поросль». Публиковалась в литературных журналах «Роман-газета», «Звезда», «Аврора», «Бельские просторы», «Гостиный дворъ», «Александръ», «Веретено», «Рассказы», «Лед и пламень», а также в сборниках рассказов.

Алексей НЕБЫКОВ

Русский писатель, просветитель, юрист и предприниматель. Основатель и главный редактор портала «Печорин.нет». Член Московской городской организации Союза писателей России. Аспирант Литературного института им. А. М. Горького, участник научных конференций. Создатель проекта обзоров периодических изданий «Русский академический журнал». Инициатор и руководитель литературных экспедиций. Автор журналов «Роман-газета», «Нева», «Москва», «Аврора», «Литературной газеты» и других печатных и сетевых изданий.

Дмитрий КАРПОВ

Живет в Тюмени, работает журналистом в одном из местных изданий. Ведет блог в телеграм. Основной акцент в произведениях делает на юмор и абсурд, поскольку считает, что серьезного и так вокруг нас слишком много.

Николай ШИБАНОВ

Родился в 1961 году в г. Степняк Кокчетавской области.

Служил в рядах Советской Армии. После демобилизации работал водителем, бурильщиком, механиком.

Состоял членом литературного объединения им. Павла Васильева в Павлодаре, был членом литературного объединения «Гренада» (Новокузнецк).

Валерий РЫЖЕНКО

Работал в органах госбезопасности. Работал за границей. Автор книг по строительной, лечебной и кулинарной тематике. Публиковался в журналах «Невский альманах», «Смена», «Волга-21», «Третья столица». Автор рассказов, миниатюр, повестей, пьес.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №6 /1923/ Основана в 1927 г.

«Не предай ближнего своего...»

Современный рассказ

Валерий Рыженко

Мираж

Сколько народных песен родилось в душе русского человека, но ни одна из них так не отражает широту и простор земли нашей, лихость и удаль, тоску и грусть, горечь и надежду, любовь и безрадостность русской души, как песня о степи. «Ой, ты, степь широкая. Степь раздольная. Широко ты, матушка, пораскинулась».

И не важно, совсем не важно, поёт ли её один человек под гусли, гармошку или многоголосый хор, что при исполнении кто-то в песенных строках «речного бурлака» заменит на «донского казака», а «Волгу-матушку» на что-то другое.

Важно то, что этот русский шедевр всегда исполняется как сокровенная молитва, в которой иной раз, слушая её, представляется вольный донской казак, а порой прорывается протяжённый стон речного бурлака. Невозможно быть русским человеком, невозможно осознать себя человеком, не зная созданные русским народом великие слова песни.

Но, может быть, вам придётся когда-нибудь ехать по большой степной дороге, которую называют шляхом, проложенную ещё нашими предками, ходившими по ней с подводами, арбами...

Шлях — самая таинственная дорога, не похожая ни на одну дорогу в мире. Это слышал я от деда, жившего с монахами на горе Афон и ходившего в Иерусалим. Он рассказывал мне о разбойниках, гулявших по шляху в надежде на счастье, странниках, богомольцах...

Сейчас я думаю, что тот мир, о котором мне рассказывал дед и который я застал уже умирающим, был тоже обычным, как и вся история наша. И только воображение тех, кого мы называем великими, хотя их владычество уносит тысячи и миллионы жизней, и невежество, играющих в великих, выдают нашу историю как необычную.

Так, если вам придётся ехать по шляху и вы человек наблюдательный, вам всегда бросится в глаза перекрёсток с дорожной остановкой: каменной будочкой, возле ко-

торой растёт одинокое дерево и стоит указатель с полустёртым названием посёлка.

Может, вас заинтересует название посёлка. Странные иногда бывают названия... «Пришиб». И вы попытаетесь отгадать, кто дал такое название? Кто его основатель? Кто живёт в нём?.. Но чаще всего другие мысли отвлекут вас, и вы подумаете: ««Пришиб». Ну и ну!» — и улыбнётесь.

Случается, что о существовании таких поселков не напоминают даже указатели.

А вдруг вам захочется увидеть такой посёлок. Сойдите на перекрёстке. И если вы молоды и сильны и стоит лето, не ждите попутку, а идите пешком. Идите прямо через степь. Зачем вам дорога, если вы молоды.

Вы увидите посадки, могильные курганы, балки, суходолы, овраги... Зайдите в посадку. Вас встретит чистый и свежий воздух, тишина и прохлада. Вы почувствуете, как свободно дышится и слегка кружится голова. Высокие абрикосовые деревья и крепкие дикие груши защитят вас от шума большой дороги, жары и ослепительного степного солнца, словно высеченного в густой синеве неба.

Между кустами с волчьими ягодами, тёрном бегут узкие дорожки, протоптанные охотниками за грушами, абрикосами, грибами... Дорожки проведут вас к небольшой поляне с густой, рослой и упругой травой, которую вы уже никогда не встретите в степи, иссушенную солнцем и отданную человеку.

На поляне вы увидите шалаш, срубленный из веток лиственницы сторожем-огородником, а в шалаше — спящего сторожа, крепко набравшегося с утра всякой всячины, до которой так охоч человек русский. Земля в посадке покрыта толстым слоем старых листьев. Наберите охапку листьев и присядьте на них, прислонившись спиной к дикой груше.

Вы услышите лёгкий шорох. Это трудится под слоем листьев ёж, падают поспевшие абрикосы, груши... Увидите галочки гнезда, сверкающую паутину, как бьются солнечные лучи о листья и плывут облака. Если вы человек впечатлительный, не смотрите долго на облака. Вам захочется уйти за ними. Лучше послушайте, как звенит степная тишина и слегка поскрипывают галочки гнезда. Уходя, свистните. Ваш пронзительный свист вспугнёт галок. И вы улыбнётесь и вспомните детство.

Попадутся вам по пути и могильные курганы, поросшие жёсткой травой и оставленные нам в те времена, которые слышали свист стрел и дикое гиканье... Много ещё таких курганов, и не скоро уйдут они с памяти нашей.

На некрутых склонах кургана — неглубокие рвы, похожие на морщины. Это следы весёлой весенней воды. С каждым годом становится их все больше. И кажется, что курган, как и человек, стареет и так же, как и человек, умирает, оставляя после себя только лишь воспоминания старожилов, когда-то ходивших к курганам искать счастье.

У подножья кургана растёт густой жилистый репейник, как бы преграждая путь любителю взобраться на курган. Часто скапливается бездомное перекасти-поле, вечно гуляющее по степи, словно человек в надежде на счастье.

А вы возьмите палку и, как в детстве, размахивая палкой, словно саблей, прорубите среди репейников дорожку и взойдите на верхушку кургана. Вы увидите все тот же степной мир: овраги, суходолы, посадки... Ваш взгляд отыщется вдали и стога сена, буровую вышку, церковь и одинокую могилку, приютившую, может быть, какого-нибудь странника, на которых так щедро была земля наша.

Но забудете вы и посадки, и церковь, и кто знает, что почувствуете, о чем задумаетесь, увидев залитый ярким светом жаркого степного солнца бескрайний ослепительный простор.

Застынете ли, охваченные тревогой своего одиночества, и попытаетесь предугадать судьбу свою в этом таинственном мире, обратитесь ли к давно умершему в вашем сердце образу, к которому обращались наши деды и прадеды, или от восторга, что вы один на воле, приложите руки ко рту и закричите. Прокатится ваше слово по степи и рассыплется. Никто не откликнется. Только вырвется из травы испуганная птица и исчезнет.

А может, станет вам грустно, как бывает грустно человеку, вдруг задумавшемуся почему-то о своей жизни. Но не стойте долго на кургане. Они не раз обманывали искателей счастья.

Встретится вам по дороге и глубокая степная балка, скрывавшая когда-то лихих людей, об удали которых любят рассказывать древние старики, может быть, и сами искавшие, но так и не нашедшие удачу на степных дорогах.

Склоны балки — крутые, покрытые колючей малиной. Спускаться по таким склонам чрезвычайно трудно. Из-под земли торчат острые серые камни, а склоны часто уходят в обрыв. Не ищите обход, спускайтесь по самой крутизне, и ваш труд будет вознаграждён. Вы почувствуете, как пробудится ваше сердце, когда вы зависните над обрывом, а оглянувшись на пройденный крутой путь, давно забытую мальчишескую гордость.

Идите вглубь балки. Её дно усеяно камнями, которые неустанная вода вымывает из склонов. Среди камней вы увидите, как пробивается к солнцу молодая поросль тополей, акаций... и не позавидуете ли вы её желанию жить, не упрекнёте ли себя? Или станете оправдываться за уныние, безразличие... к своей жизни?

Идите дальше. И перед вами раскроется мир, от которого отвернулся современный человек: густые кусты шиповника, дикие розы, сгорбленные от старости лиственницы, дикие яблони, которые поселковые мальчишки называют «кислицами», засохшие ландыши... а там, куда не достаёт солнечный свет, вы услышите негромкое журчание. Это говор родника,

который бережливая природа, словно зная безжалостную руку человека, спрятала в самую гущу диких зарослей.

Чистая и холодная вода утолит вашу жажду, придаст свежесть и впечатлительность вашим мыслям и чувствам, и вы, откинувшись на спину и подложив руки под голову, отыщете среди густых крон деревьев светлое окошко и снова увидите, как плывут облака, падают листья, колышутся от лёгкого ветра верхушки деревьев, волно кружит в бездонном небе птица. И, может быть, снова позавидуете птице, ветру, гуляющему по степи, и снова задумаетесь о своей жизни, мечтах... древних истинах человечества и его вековых иллюзиях о счастье. Отдохните, а потом ищите тропинку, которая выведет вас из балки на высокий бугор.

Вашему взгляду откроется большая зелёная роща из густых садов, тополей, акаций, лип, похожая на первозданный уголок, бог знает, каким чудом сохранившаяся в иссушенной степи... Увидите вы рощу в окружении высоких бугров. Они напоминают гигантских великанов, которые словно собрались, чтобы подумать о своей судьбе и судьбе первозданности, исчезающую с лица земли нашей, как исчезает все, что подвластно времени. Ваш взгляд долго будет блуждать по садам, пока с трудом отыщет среди верхушек деревьев крышу самого высокого дома.

Вы представите просторную крепкую усадьбу, созданную нелёгким трудом. Так создаётся все, что имеет свои традиции. Представится вам и двор с палисадником и обязательно просторный. Любит русский характер развернуться во всю ширь на свадьбах, проводах, крестинах, толоках... Подумаете вы и о доме со светлыми окнами, убранными в старинные резные ставни, о просторных чистых комнатах со старинными кружевными занавесками на окнах и вышитыми полотенцами. Не забудете и трудолюбивых хозяев.

Молодого, весёлого хозяина, знающего толк в мастеровом деле, и такую же молодую хозяйку, прозванную за бойкий нрав «молодицей», стариков родителей и гурьбу внуков. Воображение уведёт ваши мысли и чувства под развесистую яблоню, под которой ждут гостя-соседа, хорошего товарища, скупого на слово, но щедрого на дело, за деревянным столом с нехитрыми поселковыми дарами: грушами, яблоками, сливами, мёдом и тем особенно крепким напитком, веселившим наших дедов и прадедов. И скажете, что не ушла ещё гостеприимная старина, которая прославила человека русского далеко за пределами земли нашей.

По стройным рядам тополей, разбегающимся во все стороны посёлка, вы догадаетесь об улицах, и вам захочется пройтись по широкой чистой дороге между домами, отдохнуть в прохладе тополей и посмотреть на бойких, крепко загорелых поселковых мальчишек, гоняющих босиком мяч или играющих в цурки. Между ивами с зелёными пышными шапка-

ми, которые как бы кланяются земле, сверкнёт полоска воды, и вы вспомните речку с прозрачной и свежей, как в роднике, водой, крутыми, высокими берегами, поросшими сочной зелёной осокой, камышом и лугом. Кружащая на одном месте стая галок и голубей наведёт вас на мысль о церкви, и вы задумаетесь.

Впрочем, спускайтесь с бугра.

Может быть, вы подумаете, что встретите шумную весёлую компанию молодых парней и девушек в расшитых костюмах, с гармонистом, идущих в балку отдыхать. Никто не встретится вам. Только у полночь бугра вы увидите большой двухэтажный деревянный дом, рассыпающийся от старости.

Это дом бывшего помещика, от которого и пошло, наверное, название посёлка. Загляните в дом и побродите по его пустым комнатам. Вам придётся по пояс шагать в бурьяне, пока вы доберётесь до разрушенного крыльца. Старые ступеньки скрипнут, словно от боли, когда вы будете подниматься по ним. Шарахнется в пустое окно одинокая приبلудная птица, потревоженная шумом ваших шагов, да стукнет от ветра покосившаяся ставня. Вот и все поселенцы дома, в котором когда-то звучали человеческие голоса, жили беды и радости, словом, все то, что вы встретите в любом доме, звенел детский смех. Вспомните ли вы о них? Или по привычке, махнув рукой, промолвите: «А... помещики...» — и выйдете, не задумавшись об их судьбе. Или, вспомнив одинокую могилку в степи, вы вдруг почувствуете грусть по всем ушедшим.

Недалеко от дома вы увидите небольшое стадо коров, жадно выщипывающих жёсткую траву с иссушенного луга, бывшего когда-то местом кулачных боев, задорных частушек, кормильцем... и пастуха-старика, сидящего под одинокой акацией.

Если вы окликнете его, он посмотрит в вашу сторону, приложив дрожащую руку козырьком к морщинистому лбу, а не окликнете, он так и будет сидеть, согнувшись, с опущенной головой и думать о том, о чем думают все старики. Сравните картины великих мастеров о пастухах и пастушках с увиденным. Всё сравните. Не мелькнёт ли у вас мысль, как всегда далеки были великие от жизни.

Присядьте со стариком и расспросите его о посёлке. Он долго будет молчать, постукивать палкой о землю. И вам покажется, что он немой. Он не немой. Он отвык от слов большой жизни, из которой вы пришли. Вы почувствуете тяжесть на сердце от его длинного тоскующего взгляда, словно заблудившегося в жизни, высушенного горечью голоса, рассказа о посёлке и часто повторяемых слов «жизнь... жизнь...». Случится, что вы примете его за одного из тех вечных стариков, которых называют «юродивыми», «пришибленными» и которых всегда рождала великая Русь, словно в насмешку своему величию, и не поверите его рассказу. Пройдитесь тогда по улицам посёлка.

Всё та же тропинка проведёт вас по шаткому деревянному зияющему дырами мостку, перекинутому через речку, бывшую когда-то в силе, судя по крутым, высоким берегам и могучим вербам, все ещё цепляющимся иссохшими корнями за иссохшие берега.

За речкой встретится вам колхозная контора: низкорослое покосившееся здание, похожее на сторожевую будку и выкрашенное в густой коричневый цвет, с флагом на фронтоне, украшенном ещё вдобавок плакатом с диким краснолицым и улыбающимся молодцом, на которых крепко набили руку иные подручные от искусства. Возле конторы возвышается гора деревянных ящиков, стоят барак, просвечивающийся словно решето, с дустом и другой всячиной, ферма с раскрытой крышей. Вы не услышите весёлой песни, шуток, а увидите спутанное травой поле да две-три фигуры, пропалывающие грядки.

Что подумаете вы, глядя на умирающее хозяйство, может быть, некогда славившееся на всю округу садами, прудами с рыбой, бахчами, конным хозяйством, трудолюбием рук, задорным словом...

Тропинка выведет вас на окраину посёлка, к оврагу, куда свозят мусор с посёлка, небольшой поляне, по которой бродит привязанный телок. Если вы родились в посёлке, то вам вспомнятся зимние овраги, забитые чистым снегом, в которых поселковые мальчишки строили крепости из снега, играли в снежки, катались на санках, а вернувшись домой, засыпали крепким детским сном, вспоминая задиристых товарищей.

Идите дальше. Вместо просторных чистых улиц с бойкими поселковыми пацанами, которых вы надеялись увидеть, стоя на высоком бугре, вы увидите узкие пыльные улочки. Они поразят вас своим безмолвием и отсутствием живого слова. Вы окажетесь в окружении домов с дряхлеющим, обветшалым видом запустения, который приобретают они, когда из них навеки уходят хозяева. Вам станет грустно от задыхающихся в жаре и пыли тополей, акаций, дощатых падающих заборов, зарастающих бурьяном, которым так щедра земля наша, вымирающей сирени в палисаднике.

С недоумением посмотрите вы вокруг и с надеждой увидеть то, что представлялось вам на бугре. Но сколько бы вы ни смотрели, вы увидите только тот мир, который природа возвращает себе, когда его отталкивает рука человека. И может быть, воскликнете вы: «Полно. Да так ли это?» И ответите: «Так». И поймёте, что нет ничего обманчивей на свете нашего воображения.

Вдоль улиц стоят лавочки, прикрытые целлофаном, чтобы не отсырели доски. А на лавочках сидят старики, прижавшись к забору. Сидят они, согнув спину и опустив как бы в поклоне голову земле. Изредка они поднимают голову и устремляют взгляд вдалеку, словно отыскивая ту дорогу, по которой им скоро придётся уходить.

Вы их встретите на каждой улице. Куда бы вы ни пошли... Одеты они в фуфайки, телогрейки, поношенные шинели, валенки, бурки... во все то, что осталось на старость. Вы увидите их морщинистые лица, будто иссечённые рубцами, такие же морщинистые руки, некогда знавшие силу, и глаза, похожие на замёрзшие ледяные проруби.

Глядя на них, вы подумаете, что когда-то и они были молоды, веселы, гуляли на свадьбах, крестинах, толоках... Работали, отдавая силу и молодость взамен иллюзий, приобретая несуществующие блага и такой же несуществующий мир, который они передавали своим сыновьям.

Вы встретите среди них плотников, столяров... всех тех, кого владыки называют народом, создавая их плотью империи и державы и защищаясь их же плотью от других владык, тех, кто строил великолепные замки, хоромы, но никогда не жил в них, вырапывал хлеб, добывал соль, но не распоряжался плодами труда своего.

Они долго будут смотреть на вас уставшими глазами, из которых уже уходит жизнь, и словно спрашивать: а не видели ли вы их сыновей в городе? Знают ли они, как тяжело им здесь? Некому смотреть за хозяйством, валяться дома, и никто их не поправляет, и они скоро умрут.

Если вы пройдёте по улицам вечером, вы увидите, что они всё так же будут сидеть на лавочках и не заходить в дом, так как давно отвыкли уже от своих домов и привыкли к лавочкам под акациями, тополями, сидя на которых они ожидают письма, телеграммы... и, не дождавшись, умирают.

Сядьте возле них и поговорите. Только не переубеждайте их. Не разрушайте их мысли и чувства. Вы услышите их тихий немногословный мир, от которого так далеко ушла большая жизнь, дерзко вторгающаяся в тихие уголки наши, какими длинными, окольными путями вела их жизнь к старости. Вы поймёте, что они уже ничему не верят и не поверят, что давным-давно забыли они о прекрасных легендах, о счастливой человеческой жизни, смирились с тем, с чем вы ещё не можете смириться, и что умрут они, так и не поняв, кто и зачем привёл их в этот мир.

Зайдите в дом и посмотрите, как они живут. Откройте калитку. Словно вымершим окажется двор. Лишь некогда прочные постройки сарая, навесы от дождя, сеновалы..., которыми заботливые хозяева заполняют свои дворы и которыми они когда-то гордились, говоря: «А что, кум! У меня покрепче будет!», напомнят вам о том, что здесь текла широкая хозяйская жизнь.

Вы увидите собачью будку и почти ослепшего злобивого пса, откликнувшегося на кличку... «Джультарс». Велика у людей любовь к великим именам, кличкам.

Двор окажется в кучах слежавшегося песка, щебня, прогнивших досок, старого шифера, чере-

пицы, которые владельцы приготовили давным-давно, чтобы отремонтировать дом с сыновьями. Но сыновья не приедут. Они приедут только на похороны. И только после похорон поправят хозяйство, продадут и уедут, забыв и посёлок, и дом, и могилу батька.

Постучите в окошко веранды и заходите. На веранде, скроенной из лёгких досок лёгкой рукой, вы найдёте старую прялку, и вам представится тихий зимний вечер и молодая хозяйка, прядущая шерсть, тумбочка с оторванной дверкой, из которой падают учебники, игрушки, давно забывшие теплоту детских рук. Напротив веранды находится кладовая с полками, где стоят поржавевшие керосиновые лампы с разбитыми стёклами, пустые стеклянные банки и большой деревянный ящик с железной защёлкой, куда складывают накопившиеся за всю жизнь вещи: пальто, шали, изъеденные молью... Вот и всё их богатство.

Комнаты окажутся в небольшом убранстве: дорожки из ряднины, вытканые ещё на приданое, резной намыслик, где ваш взгляд найдёт потемневшие упаковки с таблетками, на которых чья-то добродетельная душа написала «от сердца», «от головы» и которые, судя по пыли на них, никогда не открывались, фотографии в старинных рамках на стене, выгоревшие бумажные цветы на подоконниках и иконы с лампадкой в углу.

Многое увидите вы. Но никогда не увидите портреты владык, которые часто встречаются в учреждениях, называемых народными, как называют народным всё, что не принадлежит народу. Вспомнится ли вам разрушенный помещичий дом, и не скажете ли вы себе: «Так ли все изменилось?..»

Если вы приглянетесь хозяевам, вы услышите тихое слово «сын»», но не увидите слез, высушенных тоской и печальными письмами. Вам покажут фотографии сыновей и расскажут, какими они были в детстве, без обидных слов и горьких упрёков. И о чем подумаете вы, слушая рассказ и глядя на этот мир, который тоже когда-то станет вашей жизнью? Не мелькнёт ли мысль, почему так бедна земля наша на истинное благородное величие, но щедра на бездушные и невежество?

Выйдя на улицу, вы увидите всё ту же прекрасную синь неба, словно вытканную чьей-то сострадательной рукой, чтобы скрасить наши горечи и несчастья. Увидите вы и бегущие облака, тающие на горизонте, будто умирающие. Они как бы напомним, что они тоже не вечны в этом мире.

А может быть, яркое жаркое солнце, которому безразличен раскинувшийся под ним человеческий мир, вызовет у вас мысль: как велика несправедливость вселенной, дающей человеку право любоваться ею, но не владеть. Или, вспомнив беды, которые принёс человек земле нашей, задумаетесь, что природа поступила мудро, сделав человека смертным. Не думайте долго. Вам не разгадать всех тайн.

Спросите у стариков, где центр посёлка. Центром в посёлке называют обычно небольшую площадь, окружённую магазинами, больницей, бусугарней (поселковая пивная), одним словом, всеми заведениями, без которых не обходится ни один народ, ни один город.

Старики долго будут смотреть вам вслед. И если вы обернётесь, вы увидите, как они прощально машут руками. Так прощались они, провожая сыновей, ухваливших в большую жизнь. Не сожмётся ли ваше сердце от боли, когда вы подумаете, что уже больше никогда не встретитесь с ними на этой земле. И не захочется ли вам вернуться к ним, чтобы запомнить уставшие руки и глаза, похожие на замёрзшие проруби. Или, подумав, что ничто не возвращается на круги своя, что все, что делается — делается к лучшему, что жизнь — это вечный круговорот, — успокоитесь этими чужими мыслями, которые бог знает по каким причинам называют великими истинами, хотя от их величия человек не становится великим, а только оправдывает свои мысли и поступки.

К центру вас будут вести всё те же пыльные улочки с постаревшими от жары, дождя, стужи тополями, акациями. На улочках вам попадутся почерневшие срубы колодцев, поставленные ещё основателями посёлка, давно ушедшими с этой земли. Вдруг вам захочется, как в детстве, перегнуться через сруб колодца, чтобы увидеть своё отражение в воде. Вы не увидите его. Вода покрыта старыми листьями. Стены затянуты паутиной. На покосившемся воротах болтается чудом уцелевшая поржавевшая цепь, тронув которую вы услышите тихое звяканье. Вокруг колодца растёт бурьян, жертвой которого становится всё, брошенное человеком.

Поближе к центру улочки станут шире и чище, лавочки исчезнут, дома крепче: каменные с высокими заборами и воротами, окнами, закрытыми диким виноградом, проходя мимо которых человек любопытный всегда испытывает особое неудовольствие. Попадутся вам и колонки с жёсткой, словно обжигающей водой, тротуары: бетонные плиты, уложенные поселковыми умельцами в том состоянии, которое почти никогда не покидает человека русского и вошло в такую привычку, что, кажется, и рождается он в этом состоянии.

Не доходя до центра, вы увидите стадион с футбольным полем, беговыми дорожками, хоккейными воротами, баскетбольными и волейбольными площадками, свидетельство того, что посёлку не чужд и спорт. Однако заросшее все тем же нашим бурьяном футбольное поле и крепко вытоптанная широкая извилистая дорожка, ведущая от стадиона к красному кирпичному зданию с вывеской «Чайная», которое в посёлке называют бусугарней, говорит и о том, что местные предпочитают занятия более существенно рода.

Возле стадиона стоит небольшая трибуна, предназначенная для поселкового начальства, появляю-

щегося перед народом в то время, в которое не появиться нельзя. Такие трибуны часто строят на один манер. Что поделаешь! Такова уж рука нашего мастерового, привыкшего больше ладить с крепким напитком, чем с древним ремеслом наших дедов и прадедов, возводивших терема, церкви... Низ трибуны с трёх сторон обшит досками и пуст. В нем можно прятаться, что удобно для поселковых мальчишек, особенно любящих играть в широко известную, но печальную игру — войну.

Может быть, вам удастся увидеть бегающих по стадиону, вокруг трибуны мальчишек с весёлыми лицами, весёлыми криками, деревянными автоматами, пистолетами, шашками, как они в шутку убивают друг друга, словно нет у них другой игры. Посмотрите, с каким азартом они стреляют друг в друга, рубят...

Не правда ли, грустная картина. И вряд ли вы найдёте её на полотнах художников. Они предпочитают картины более серьёзные.

А не почувствуете ли вы ещё большую грусть, если вам случится увидеть на трибуне странную фигуру. Она размахивает руками перед стадионом и выкрикивает какие-то слова. Вы никогда сразу не догадаетесь, кто это. Понаблюдайте за ней. Она окажется похожей на артиста, репетирующего непонятную роль. И вы бы поверили, если бы вместо трибуны была сцена. Можно принять её и за пьяненького, часто путающего своё место в жизни. А порой за чудака-человека, решившего повеселить себя от скуки или высказаться о том, о чем высказывается человек русский, когда у него крепко накопело на сердце. Всё это не так.

Это юродивый или, как говорят, «пришибленный», которого вы встретите в любом посёлке. Бог знает, откуда они берутся и приходят на землю нашу. От деда я слышал, что это люди, обиженные Богом. Рассказывал он о них с жалостью и грустью, со всеми теми чувствами, которые, как я понял, говорили о его большой и доброй душе, воспринимавшей беды человека на этой земле как его испытания перед уходом в другой мир.

Может быть, придёт вам на память старинная и печальная легенда о вечной борьбе дьявола и Бога за душу человека. И спросите вы себя: кому подвластна душа человека в нашем мире, почему так непрочно устроен наш ум? Не вызовут ли эти мысли у вас страх? Не позавидуете ли вы помутившемуся уму юродивого? Или как человек равнодушный равнодушно посмотрите на беснующегося человека среди чистого светлого ясного дня, вздохнёте, скажете: «Слава богу, что я не такой...», а то, насмешливо улыбнувшись, промолвите: «Бог и дьявол. ХМ.» — и пойдёте дальше.

Заасфальтированная дорога, которая неожиданно появится под вашими ногами, уставшими от кочек, выведет вас к железнодорожному вокзалу: невысокому крепкому зданию из кирпича. Построено

оно ещё в то время, которое помнило молчаливых станционных зрителей, умиравших в одиночестве на российских сонных полустанках. Судя по волнистым стенам, здание несколько раз перестраивалось, но, как говорят, в люди так и не вышло, впрочем, как и многое у нас на Руси.

Зайдите в вокзал. Вы увидите тесное помещение с окнами, одетыми в решётки, которые очень любят сильные мира сего, стены, выкрашенные красным цветом, который тоже по вкусу все тем же сильным мира сего. Вдоль стен расставлены фанерные лавки с исписанными спинками, на железных ножках с железными исцарапанными подлокотниками. На стене висят круглые электрические часы с вечно запаздывающими стрелками, картина, где нарисован стол, а на столе разрезанный арбуз и дикая утка, сочетание, которое уже давно не увидишь на столе русского человека.

В углу, который вызывал особое пристрастие русских писателей, описывавших жизнь бедных чиновников, стоит электронный кассовый аппарат. Трудно понять, зачем его поставили. То ли для украшения, чтобы разрушить грустное впечатление, то ли для того, чтобы напоминать желчным лицам, что не все у нас лыком шито, что век могущественного атома не чужд и нам. Рядом с кассовым аппаратом на деревянном табурете оцинкованный бачок с водой и алюминиевой кружкой, прикреплённой небольшой цепочкой к дужке бачка.

За окном «Кассы» спит немолодая женщина с уставшим лицом, положив голову на кипу амбарных книг, а на лавках — пассажиры, ожидающие поезда, который, судя по словам дежурного, бог знает, когда придёт и придёт ли вообще. От дежурного вы услышите о вечно опаздывающих поездах, пассажирах, которых он назовёт бестолковыми, жалобы на жизнь, обо всем том, что расскажет вам русский человек в том положении, из которого его не вывели ни один великий, никакие эпохи, называемые тоже великими.

Вы поймёте, как бедны его представления о жизни, как груб язык и ум. В его голосе вы услышите голоса всех подневольных, которых Владимир обратил в христиан, Пётр Первый в европейцев...

Может быть, почувдятся вам их лица, глаза... И не задаетесь ли вы снова вопросом, почему судьба обрекает одних на жизнь станционных зрителей, ремесленников, а другие становятся владыками, великими... Не покажутся ли вам миражом отцы великих идей, пытающиеся устроить земное счастье. Вспомните, сколько жестокости и крови приносили они. Или промелькнёт у вас более глубокая мысль, что великие идеи о земном счастье слишком рано приходили на нашу землю, как и их создатели.

Выйдя из здания, вы увидите маленький сквер с акациями. Среди акаций находится большая отбитая гипсовая чаша, заполненная мутной водой, которая покрыта разным хламом. В середине чаши стоит

гипсовый обрубок — остаток фонтана. Вокруг чаши лавки с отломанными спинками, на одной из которых спит, уткнувшись в сиденье, мужчина в разорванной железнодорожной спецовке, видимо, станционный рабочий, пришедший недавно из бусугарни. На привокзальной площади клумба с высохшими и забытыми цветами, обложенная красным кирпичом, автобусная остановка, на которой валяется железный каркас будки. Словом, куда бы вы ни обращали свой взгляд, вы увидите всю ту же нашу разрушающую бедность, глядя на которую невольно испытываешь стыд, что ты человек.

И не этот ли стыд заставляет русского человека лепетать перед иностранцем, а иной раз раздражается в купеческую вакханалию перед своим соотечественником. С привокзальной площади узкая бетонированная дорожка приведёт вас к длинной постройке, одна половина которой выложена кирпичом, другая сделана из досок.

Над постройкой висит густая тяжёлая пыль, сквозь которую вы с трудом увидите солнце. Это зготзерно. Возле большой разгрузочной площадки стоят высокие многотонные пульмана с зерном. Пульмана с площадкой соединяют широкие доски, по которым рабочие таскают мешки. Лица и одежда рабочих покрыты пылью, волосы всклокочены. Они хрипло выкрикивают, когда поднимают и разгружают мешки, часто бросают работу, откашливаются, вытирают руками лоб, садятся на деревянные ящики и достают вино...

Пройдитесь по посёлку и вернитесь снова к зготзерно. Вы увидите ту же самую картину. Эти люди будто замкнуты в мир густой пыли, к которому они уже привыкли и из которого не видят выхода. Как много ещё таких мирков на земле нашей. Они словно не подвластны времени, словно бессмертны. Умирают эпохи, умирают их создатели, а мирки остаются. И не они страшны, а их вечность.

Прислушайтесь. Вы услышите шум времени, которое уносит силу и молодость этих людей. Вы увидите, как разрушаются их лица, глаза... И не эти ли мирки, эти сонные полустанки порождают печально известную привычку у русского человека «быть во хмелю». Не этот ли труд, который почему-то у нас называют облагораживающим душу, не возвышает человека, а превращает его в подручного человека.

По деревянному настилу, сделанному из шпал, которые уложены между железнодорожными рельсами, вы пройдёте к большому строящемуся зданию. На его стенах висят транспаранты с призывами, на которые уже давно махнул рукой человек русский. Жест, как известно, чисто наш. В последнее время он приобрёл большую популярность, впрочем, как и слова, сопровождающие подобные жесты. За строящимся зданием вы увидите здание поменьше и очень старое «Депо», как и всё в нём, — кузница с поржавевшим кожухом, токарный цех с деповскими стан-

ками (ДИП — догоним и перегоним), слесарная мастерская, паровозная яма с паклей и мазутом.

Возле «Депо» — путевые тупики с паровозами, окна которых забиты досками, вагонные платформы... Если вам захочется поговорить с начальником депо, вы услышите то, о чем можно догадаться, глядя на слесарей, токарей в шахтёрках, пропитанных соляжкой, среди которых вы найдёте молодых парней, старое, словно допотопное оборудование, сохранившееся только благодаря русской смекалке, которая пошла от нашей бедности, заплатанную крышу, тормозки рабочих, засыпанный металлическими стружками пол, умывальник, сваренный из толстого листового железа, умирающие в закопчённых гарью окна солнечные лучи... И неужели вы не поймёте, что прошлое, которое так блистательно заклеили наши не менее блистательные историки, так и не ушло в прошлое.

За пропахшей паровозным дымом посадкой, которая тянется вдоль железнодорожного полотна, убегающего к шахтам, находится парк с невысокими и редкими, словно болезненными кустами сирени. В парке вы не увидите аллей, беседок... А догадаться, что это парк, можно по входу, сделанному из двух выструганных и выкрашенных брёвен, вкопанных в землю, к которым прибита перекладина. С перекладины свисает проволока с небольшой доской, где указано, что это парк, и обычно громкое название... «Победа».

Разбивают такие парки по привычке, которую завёл у русского человека ещё Пётр Первый. В середине парка стоит летний клуб с дощатыми стенами, на одной из которых канцелярскими кнопками приколоты афиша: лист бумаги с названием кино, началом сеанса. Недалеко от клуба встретится танцплощадка, огороженная металлической сеткой. За сеткой расположено деревянное покосившееся полукружье для поселкового оркестра. А через дорогу от танцплощадки — известное всем в посёлке здание.

Среди других зданий: больницы, Дома быта, продовольственных и промышленных магазинов это здание отличается крепкими стенами, новой крышей из шифера, большими светлыми окнами, дверями,шитыми из толстых досок. Это — бусугарня.

Откуда пришло это слово — бог его знает. Много на Руси слов не русских, впрочем, не только слов... Открыв дверь, вы увидите просторное помещение с высокими потолками. В углу стоит металлическая никелированная вешалка с шахтёрками рабочих: спецовками, фуфайками, телогрейками... Стены до половины выкрашены краской, которой красили в Российской Империи дома для душевнобольных. Другая половина стен — в сюжетах из народных русских сказок... Илья Муромец и Соловей-разбойник... Глядя на лицо народного героя, вы поймёте, что его создатель не столько знаком с народным героем, сколько с любителями крепкой выпивки.

За небольшими столиками с пластмассовыми потрескавшимися покрытиями, уставленными пивными кружками, гранёными стаканами, пластмассовыми канистрами, банками и даже полиэтиленовыми пакетами, заполненными пивом, сидят мужчины, женщины. На столах... Стоит ли говорить, что на столе у человека пьющего. На полу валяются окурки, бумага... всё то, что порождает подобные пиршества.

За массивным холодильником с большими витринами стоит массивная буфетчица с красным распаренным, словно после бани или крепкого вина, лицом и, скрестив массивные руки на массивной груди, прикрытой замасленным коротким фартуком, покрикивает на пошатывающихся рабочих-грузчиков. Покрикивает она тем тоном, который присущ всему торговому племени, и словами, оставленными нам, как говорят, ещё татарами.

Пройдитесь по узкому между столиками проходу, где вы встретите стоящего на коленях человека, собирающего рассыпанные сигареты или мелочь, и спросите у буфетчицы чаю. В ответ вам раздастся громкий хохот.

Не спешите уходить. Вы услышите громкие раздражительные голоса, сопровождающиеся крепкими ударами кулака, а то и головы о стол, болезненный смех человека с дёргающимся лицом и трясущимися руками, спутанные звуки гармошки то ли барыни, то ли цыганочки и такую же спутанную песню, которую поют с таким чувством, будто это последняя песня, непонятные споры, заканчивающиеся обычно дракой или треском разрываемой рубахи, что вообще в черте русского характера, который выказывали и наши владыки не только перед соотечественниками, но и иноземцами, разнося молву о загадочном славянском характере.

Вы увидите спящего за столом или у стены пенсионера, отработавшего свой век смазчиком в депо и заслужившего от государства пенсию в несколько грошей, или молодую женщину... Кто знает, что снится им? По каким причинам заглянули они в это здание и надолго ли останутся здесь. Может, не найдут они больше другой дороги. А кто её покажет? Да и не в характере русского сворачивать с выбранной дороги, что уже не раз доказывала история.

Увидите вы и яростно танцующего во всю ширь расхристанного деповского парня, на которого никто не обращает внимания. Трудно понять, что он танцует. На его лице весёлое выражение, он пощёлкивает пальцами, подмигивает, выкрикивает «Эх!» и пускается вприсядку, громко хохочет, когда сбивает какого-нибудь пьяненького. Что ему! Он пока молод и силён.

Рядом с ним топчется старик с обиженным, как у наказанного ребёнка, лицом. Чтобы не упасть, он держится одной рукой за стол. Иногда он пытается пуститься вприсядку, но давно отслужившие ноги не слушаются, и он падает, вызывая у парня пре-

зрительную улыбку, который не понимает, что скоротечна жизнь, что быстро старится человек, что не далеко то время, когда он сам станет стариком и коснётся его людское равнодушие и презрение, как касается оно всех, утерывших силу и молодость...

В бусугарне встретится вам и молодой человек, но с лицом больного старика, затухающим взглядом, в обдёрганной с чужого плеча военной шинели или габардиновом пальто. У него больное сердце, печень. Часто с ним случается белая горячка.

Его несколько раз лечили, а потом, как принято, махнули рукой, не забыв при этом успокоить свою совесть, сказав: «Горбатого могила исправит». У него нет жены, детей, дома... Летом он спит в посадке, а когда наступают холода — в деповской кладовой на пакле. Он давно забыл степь, балки, курганы и живёт одним воспалённым воображением, которое не даёт ему отдохнуть и во сне. Ему часто снится, что его мучают, убивают... Может быть, кто-нибудь и позавидует его снам... Он бродит между столиками и просит на водку. Редко кто даст ему выпить. Он и сам это знает, но просит.

Подойдёт он и к вам. И если вы купите ему вина, он скажет, что он ещё не конченный человек, что завтра... бросит пить, устроится на работу в депо или на шахту, женится, построит дом, словом, он расскажет о том, что уже никогда не сбудется. Это — мечтатель. И как многие мечтатели, он все больше станет отдаляться от реальной жизни. И кончит тем, что найдут его в петле или замёрзнувшим под забором. Так и уйдёт он с этой земли, как уходили многие подобные ему, не испытав любви ни к земле своей, ни к женщине, не услышав слова «отец».

Обратит ваше внимание на себя и человек, вокруг которого раздаются взрывы хохота. Это — русский самородок, а проще — поселковый весельчак, известный в округе... как Обалдуй. Он рассказывает выдуманные им самим байки и дерзкие анекдоты. Послушайте их. Вы услышите грубое, но гордое и живое слово, смело выступающее против ханжества и цинизма, подлости и равнодушия владык наших и их подёнщиков. Глядя на смеющиеся лица, вы поймёте, что этот... Обалдуй — талантлив, потому что простой русский человек редко смеётся в угоду другому. Он смеётся, потому что ему весело. Может быть, судьба готовила этого человека в великие артисты.

Но, как случается на все той же нашей Руси по все тем же нашим причинам невежества, большой город выставил его за дверь, и пришлось ему уйти на каракубу слесарем: катать вагонные пары и ремонтировать разбитые пульмана. Узнав его судьбу, вспомните, как много великих желаний умирало на земле нашей, так и не увидев свет. Как тяжело и мучительно пробивало себе дорогу всё доброе. Изгонялись и не признавались таланты. Так, может быть, проклята земля наша? — воскликнете вы. Или...